

РОБЕСПЬЕР и НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1793–1794 годах

Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 гг.
и революции 1848 г. во Франции.
М., 1960

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Век Просвещения и Vive Liberta

Я не ставил своей целью излагать здесь биографию Робеспьера, поскольку в главном история его жизни и история Французской революции совпадают. Я хотел лишь обрисовать его отношение к народному движению II года Республики (1793—1794 годы), показав тем самым основы его величия и в то же время ограниченность его социальной и политической деятельности, которая привела его к падению и сделала его жертвой тех же противоречий, которые тяготели над народным движением его времени.

Если мы пожелаем выяснить, что сделало Робеспьера одним из самых выдающихся вождей французской демократии, то мы должны будем рассмотреть не только влияние, оказанное на него Жаном Жаком Руссо, но и принять во внимание его происхождение и характер¹. Он не был человеком из народа. Родившись в Аррасе, он вышел из той мелкобуржуазной адвокатской среды, которая дала так много революционеров, особенно революционеров 1793—1794 годов. Этот социальный слой по самой своей природе был враждебен феодальной аристократии, но в равной степени он был враждебен и крупной буржуазии, столь высоко стоявшей над ним на социальной лестнице. Его отцом был вечно нуждавшийся адвокат. Робеспьер вскоре осиротел, но стипендия местного епископа дала ему возможность блестяще окончить парижский коллеж Людовика Великого. Робеспьер принадлежал к поколению, получившему образование у ораторианцев (после изгнания в 1762 году иезуитов); большое влияние на воспитание этого поколения оказали также классики и просветительская философия. Отсюда у него, как и у Сен-Жюста, та римская фразеология, в которую столь часто облекалась мысль их века. Здесь он испытал и могущественное влияние идей Руссо, придавшее определенную окраску его политическим и социальным идеалам, его чувствительности и нашедшее отражение в той строгости, с которой он излагал свои мысли.

В 1781 году, в возрасте 23 лет, Робеспьер вернулся в Аррас, где занялся почтенным трудом адвоката, вращавшегося в обществе средней буржуазии, но остававшегося бедным. Слово «бедный» часто встречается в речах Робеспьера. Если мы хотим уяснить для себя его социальные идеи, нам важно установить, что сам Робеспьер понимал под словом «бедный». Для Робеспьера «бедняк» (poor man)—это тот, который довольствуется удовлетворением своих потребностей личным трудом и, не пренебрегая комфортом, не стремится к роскоши и праздности. Подобный взгляд Робеспьера вполне соответствовал не только доктрине Руссо, но и образу жизни и вкусам мелкой и средней буржуазии, которая видела в нем олицетворение своей честности, высоких моральных достоинств, своего стремления к скромности в одежде, своего подозрительного отношения к чрезмерному богатству, так же как и желания держать трудящиеся массы на известном расстоянии от себя. Нет надобности настаивать на том, что Робеспьер всегда заботился о сохранении респектабельной внешности. Он никогда не принимал республиканского, или, точнее, санкюлотского, фасона одежды, но всегда оставался верным костюму времен старого порядка. Здесь уместно привести слова жены члена Конвента Леба, дочери столяра Дюпле, у которого квартировал Робеспьер на улице Сент-Оноре. По ее словам, ее отец, заботясь о сохранении своего буржуазного достоинства, никогда не допустил бы к своему столу кого-либо из своих слуг, то есть рабочих. Эти слова раскрывают глубокое расхождение между народными, в строгом смысле слова, классами и средней буржуазией. Следует также напомнить, что добрый якобинец Дюпле хотя и принадлежал к миру труда, в качестве хозяина столярной мастерской, тем не менее извлекал от 10 до 12 тысяч ливров дохода, сдавая внаем квартиры в принадлежавших ему домах. Ясно, что социальные идеи Робеспьера должны были страдать многими противоречиями.

Социальное происхождение, образование и темперамент Робеспьера, а также логика событий объясняют нам, почему с самого начала революции он упорно отстаивал принцип, согласно которому происхождение и деньги не являются мерилем таланта гражданина, его достоинства или его прав. Поэтому с 1789 года Робеспьер стал защитником демократии. Он не ограничивался тем, что защищал революцию против привилегированных классов и требовал освобождения всех

угнетенных — актеров, евреев, рабов негров в колониях². В Собрании, состоявшем главным образом из зажиточных и богатых буржуа, относившихся к народным массам почти с таким же недоверием, как к аристократам, и обусловивших участие в выборах уплатой налогов, он, не колеблясь, выступал против имущественного ценза³. Он поднимал свой голос против всех мер, которые могли бы способствовать угнетению народа, например против закона о военном положении (*loi martial*) и против излишней суровости при подавлении восстаний в провинциях. Так, он требовал снисхождения к восставшим в 1790 году швейцарцам полка Шатовье⁴. Его решение быть всегда на стороне народа обусловило политическую позицию Робеспьера с начала революции и до террора. Оно сделало его врагом монархии и всех отступлений от принципа равенства в Конституции 1791 года. Оно сделало его противником жирондистов в начале 1792 года. Оно привело его к Республике, а в 1793 году и во II году к руководству ею.

Обстоятельства и усвоенные им идеи сделали, таким образом, из Робеспьера поборника социальной демократии в 1793—1794 годах. Весной 1793 года революция переживала глубокий кризис. Феодальное дворянство усилило свой натиск на Республику внутри страны и из-за рубежа и значительная часть буржуазии покинула ее. Было ясно как никогда, что победа без народа невозможна. 2 июня 1793 года, во время восстания, которое привело к изгнанию жирондистов из Конвента, Робеспьер писал: «Внутренние опасности исходят от буржуазии; чтобы победить буржуазию, нужно объединить народ»⁵. Так как страна вынуждена была вести одновременно гражданскую войну и войну с иностранными государствами, важнейшее условие победы заключалось в том, чтобы дать почувствовать санкюлотам, что война является их собственным делом. Такова была точка зрения той части буржуазии, которая решила продолжать борьбу, и вследствие этого Робеспьер был включен 27 июля 1793 года в состав Комитета общественного спасения.

Эта дата знаменует собой начало проведения новой политики национальной и революционной обороны при поддержке средней буржуазии и народных масс — якобинцев и санкюлотов. По многим причинам Робеспьера стали рассматривать как символ этой политики. Часть буржуазии приняла обращение к народу, от чего отказались из-за классового эгоизма жирондисты. Под руководством Робеспьера эта часть буржуазии решила теперь ограничить народный энтузиазм определенными рамками и дисциплинировать народ путем организации Революционного правительства и установления диктатуры якобинцев.

Революционному правительству (в котором решающее влияние принадлежало Робеспьеру) предстояло решить две проблемы, касающиеся его отношений с народным движением; надо было согласовать политическую деятельность санкюлотов (с характерными для них методами и стремлениями) с потребностями якобинской диктатуры и национальной обороны и согласовать их социальные стремления и требования со стремлениями и требованиями буржуазии, которая в конечном счете сохранила за собой руководство революцией. Другими словами, перед ним встал вопрос об отношениях между народными и имущими классами.

Прежде всего мы должны выяснить, каково было социальное положение якобинцев и санкюлотов, социальная программа Робеспьера и народного движения?

Весной 1793 года якобинцы и санкюлоты оказали давление на Конвент извне, требуя проведения политики национальной и революционной обороны. Руководство этой коалицией, на которую должно было опираться Революционное правительство, находилось, несомненно, в руках якобинской средней буржуазии, представляемой Робеспьером. Она была необходимым связующим звеном между живой силой санкюлотов и той группой буржуазии, которая решила довести революцию до конца. Социальное положение якобинской средней буржуазии, определявшее ее политическую позицию, ясно, хотя этот вопрос все еще нуждается в более конкретных исследованиях. Как мы уже видели, мы можем рассматривать хозяина столярной мастерской Дюпле с его 10 или 12 тысячами ливров нетрудового дохода как типичного представителя этого класса.

Если двойственное положение, в котором оказались якобинцы, объясняет нам затруднения Революционного правительства и причины последовавшего затем падения Робеспьера, то последствия двойственного положения санкюлотов простираются дальше. Несомненно, что санкюлоты боролись больше и прежде всего против феодальной аристократии, о чем свидетельствуют взятие Бастилии и энтузиазм волонтеров. Санкюлоты предоставили в распоряжение буржуазии революционные массы, без которых нельзя было бы смести общество старого порядка. Но, признав это, мы вместе с тем должны признать, что само положение санкюлотов в феодальном обществе превращало их в социальную силу, противостоящую во многих отношениях обладавшей торговым капиталом буржуазии.

В недрах Французской революции развивалось народное движение, специфически санкюлотское политическое течение Его истоки следует искать в ухудшении жизненных условий лавочников, ремесленников и земледельцев еще задолго до 1789 года⁶. Показательно, что продовольственный кризис вызвал среди санкюлотов такое же мощное движение, как и аристократический заговор. У санкюлотов были свои методы и приемы политической деятельности и собственные организации *народные общества*, *братские общества* и общие собрания парижских секций, в которых они полностью господствовали в 1793—1794 годах⁷. Таким образом, народные общества существенно отличались от Якобинского клуба, который санкюлоты посещали редко или совсем не посещали. Это народное движение переживало свои собственные кризисы, например в первых числах сентября 1793 года. Этот кризис Матьез назвал «натиском эбертистов», хотя в действительности это был «натиск санкюлотов»⁸, за которым скорее следовали, чем руководили им, Шометт, Эбер и Совет Парижской коммуны. Подобные выступления не имели прямого и тесного отношения к общему ритму буржуазной революции Санкюлоты требовали таксации цен на продукты и регламентации торговли ими, на что якобинская буржуазия согласилась только под давлением! 29 сентября 1793 года.

Все это проливает свет на основные политические и социальные противоречия между санкюлотами и буржуазией.

Санкюлоты были непосредственными производителями. Чтобы иметь возможность свободно располагать собой, этим крестьянам или ремесленникам нужно было освободиться от сеньериальной зависимости. Отсюда их ненависть в первую очередь к феодальной аристократии. Без них не было бы буржуазной революции. Ремесленники, чтобы стать свободными производителями, продающими произведенные ими товары там, где они находили для них рынок сбыта, должны были освободиться от цеховой системы с ее законами мастерства, ученичества и властью цеховых старшин (*maitrise, jurande*)

Будучи непосредственными производителями, санкюлоты считали личный труд единственной основой собственности. Эта концепция, согласно которой трудящийся должен иметь право частной собственности на средства существования, соответствовала мелкому ремесленному и крестьянскому производству. Это производство могло развиваться только в том случае, если работник являлся свободным собственником: крестьянин — земли, которую он обрабатывал, ремесленник — своей мастерской и инструмента. Поэтому ясно, что санкюлоты были движущей силой буржуазной революции. Промышленному капитализму для его поступательного движения вперед также необходимо было уничтожение всех преград, которые сеньериальная власть и цеховая система ставили на пути свободного развития производства

Однако общество мелких самостоятельных производителей предполагает раздробление земли и распыление других средств производства. Оно исключает их концентрацию. Поэтому санкюлоты были глубоко враждебны крупному торговому капиталу, монополистам и спекулянтам. Узкие рамки производства и общества были их идеалом. Они были противниками полной свободы производства и торговли и поэтому требовали таксации и регламентации, чтобы воспрепятствовать концентрации собственности и средств производства. Во II году Республики парижские секции постоянно протестовали против концентрации военного производства⁹. Это было характерное разногласие, раскрывающее противоречия между народным движением и Революционным правительством. Санкюлоты не могли понять, что, достигнув определенного уровня развития, система мелкого производства, с которой они были связаны, сама порождает ферменты своего собственного разрушения. Распыленные индивидуальные средства производства неизбежно превращаются тогда в общественно концентрированные средства производства Мелкая собственность массы самостоятельных непосредственных производителей заменяется крупной собственностью капиталистического меньшинства¹⁰. Санкюлоты отдавали предпочтение частной собственности, основанной на личном труде, собственной лавке, мастерской и независимому крестьянскому участку земли. Они больше всего опасались быть низведенными в ряды пролетариата. Они не предвидели того, что частная капиталистическая собственность, основанная на наемном труде, неизбежно заменит частную собственность, основанную на личном труде. Они полагали, что для того, чтобы удержать частную собственность в узких рамках системы независимого мелкого производства, достаточно издать закон о максимуме состояний и ограничить права наследования.

Поэтому 2 сентября 1793 года, когда народное движение, достигнув своей высшей точки, заставило Конвент пойти на уступки, санкюлоты секции Ботанического сада (впоследствии переименованной в секцию Санкюлотов) писали в своей петиции Конвенту:

«Поспешите, народные уполномоченные... установить твердую таксу на продукты первой необходимости, на заработную плату, на прибыль от промышленного производства и на доходы от торговли. Вы имеете на это право и полномочия... Аристократы, роялисты, умеренные и интриганы скажут, что «вы посягаете на собственность, которая должна быть священна и неприкосновенна...» Конечно, но знают ли они, эти злодеи, знают ли они, что обоснованием собственности является лишь размер физических потребностей... Республика должна обеспечить каждому... возможность приобретать продукты первой необходимости...» И санкюлоты стали требовать, кроме таксации цен на продукты первой необходимости, а также установления максимума заработной платы, строгого ограничения права собственности:

«Чтобы был установлен определенный максимум состояний; чтобы одно и то же лицо могло владеть только одним таким максимумом;

чтобы никто не имел права арендовать земли больше того, что он может обработать с помощью определенного количества плугов;

чтобы каждый гражданин владел только одной мастерской, одной лавкой»¹¹.

Я не хочу настойчиво подчеркивать ни противоречивость подобных взглядов, ни природу попыток сохранить частную собственность на средства производства и обмена путем установления определенных границ для нее, укажу лишь на несовместимость такой концепции с буржуазной концепцией собственности как «естественного и неотъемлемого права», зафиксированной в Декларации прав человека и гражданина 1789 года.

В политическом плане мы можем проследить те же противоречия между буржуазной концепцией демократии и стремлениями санкюлотов. Последние были сторонниками политической системы прямой демократии. Главные черты этой системы — это, во-первых, отрицание политических прав за гражданами, подозреваемыми во враждебном отношении к революции, и требование исключения их из общих собраний секций с применением в случае надобности силы и, во-вторых, право контролировать деятельность представителей народа и отзываться их в случае потери ими доверия избирателей. Этой системе свойственны некоторые характерные политические приемы, например голосование путем открытой подачи голосов, выборы без голосования, путем простого выражения одобрения выкриками с мест. Тайную баллотировку санкюлоты считали признаком гражданской неблагонадежности и аристократизма. Эту политическую систему санкюлоты предлагали применять не только в коммунальном, но и в общенациональном масштабе. В некоторых случаях секции заявляли, что они будут признавать только те решения Конвента, которые получают их одобрение. Следовательно, политическим идеалом санкюлотов была своего рода прямая демократия, совершенно отличная от либеральной демократии, как ее понимала буржуазия, и к тому же трудно осуществимая в условиях кризиса, переживаемого Республикой. Этим объясняется и тот факт, что Робеспьер и якобинцы воспротивились ей.

Таковы были политические и социальные идеи народного движения. Какова же была позиция Робеспьера? Логика событий сделала из него защитника социальной и политической демократии. Он считал, что неравенство в состояниях может обратить политические права в пустой звук. Как и Руссо, он полагал, что не только природа, но и частная собственность является источником неравенства. Собственность была поэтому злом, хотя и неизбежным. И если ее нельзя упразднить, то ее следует поставить под контроль. В этом отношении социальные идеи Робеспьера были чрезвычайно последовательны.

Так, например, 5 апреля 1791 года, при обсуждении закона о равенстве прав наследования, Робеспьер утверждал:

«Слишком большое неравенство в состояниях является причиной политического неравенства и ущемления свободы. Из этого принципа следует, что законы всегда должны быть направлены на уменьшение этого неравенства, которое для некоторых людей становится причиной их спеси, их страстей и часто их преступлений... Поэтому если все ваши законы, все ваши институты не имеют своей целью уничтожение этого чрезмерного неравенства в состояниях, то вы ничего не сделали для народного благосостояния»¹². Два года спустя, 24 апреля 1793 года, в своей речи относительно Декларации прав человека он вновь вернулся к этой мысли:

«Конечно, не требуется никакой революции, чтобы доказать миру, что чрезвычайная неравномерность в распределении богатств является источником многих бедствий и преступлений. Но это нисколько не уменьшает нашего твердого убеждения в том, что равенство имуществ — только химера». Поэтому Робеспьер предложил декларировать, что собственность является не естественным и неотъемлемым правом, а только социальным установлением, гарантированным законом¹³.

Мы отмечаем тот же ход мыслей и те же взгляды и высказывания Робеспьера и по другому важному вопросу, а именно о стоимости жизни. Он разделяет стремление буржуазии к свободе торговли, но он не чужд и желанию санкюлотов ограничить эту свободу. 2 декабря 1792 года, когда вспыхнули продовольственные волнения в департаменте Эр и Луар, Робеспьер произнес важную речь о продовольственном снабжении

«Свобода торговли необходима, — доказывал он, — но лишь до тех пор, пока убийственная алчность не начинает злоупотреблять ею» Затем он выдвинул следующую близкую санкюлотам идею: право народа на существование, на продовольствие должно быть поставлено выше права собственности «Никто, — сказал он, — не имеет права хранить в закромах груды зерна в то время, когда его ближний умирает с голоду Первое из прав человека — это право на существование... Неверно, что интересы собственности могут когда-либо стоять в противоречии с потребностью людей в продовольствии, которая так же священна, как сама жизнь; Все, что необходимо для спасения жизни, является общим достоянием всего общества». И он заключил свою речь словами: «Я вовсе не отнимаю у богатых честной прибыли или законной собственности; я только лишаю их права наносить вред собственности других. Я уничтожаю не торговлю, а разбой монополистов»¹⁴.

Придерживаясь этих принципов, Робеспьер верил в социальный идеал общества мелких независимых производителей, где каждый владеет своим полем, лавкой или мастерской, обеспечивающими существование его семьи. Таковы были его моральные взгляды. Эти «бедняки» жили своим трудом и никому ничем не были обязаны, они смогли приобрести и сохранить небольшую собственность, обеспечивавшую им независимость, благодаря таким своим качествам, как трудолюбие, бережливость и умеренность, — качества, которые столь высоко ценил Робеспьер. Таким образом, его социальный идеал был близок к чаяниям и стремлениям мелких крестьян, батраков, поденщиков, ремесленников и мелких лавочников конца XVIII века — одним словом, санкюлотов. Он действительно соответствовал тем экономическим условиям, в которых жило большинство самостоятельных производителей того времени. Робеспьер был таким же решительным врагом торговых монополий, как и феодальной аристократии.

Политика Робеспьера и Революционного правительства во II году может быть расценена как постоянные усилия по преодолению противоречий и примирению противоположных интересов имущей буржуазии и народных масс — якобинцев и санкюлотов. Перед лицом угрозы со стороны аристократии, когда требовалась помощь народных масс, нужно было заключить союз между этими социальными группами с противоположными интересами. Когда же весной II года (1794 года) почувствовали приближение победы, стала очевидна опасность союза с санкюлотами. Робеспьер слишком хорошо разбирался в политике, чтобы недооценить соотношения социальных сил или просмотреть тот факт, что буржуазия играла главную роль в революции. Он слишком заботился об интересах буржуазии, чтобы связать себя бесповоротно с санкюлотами. Но в то же время он уделял слишком много внимания нуждам санкюлотов, чтобы встретить благосклонное к себе отношение со стороны буржуазии. В этой связи показательным, что Робеспьер, открыто высказывавший свои социальные взгляды в декабре 1792 года и в апреле 1793 года, умалчивал о них, когда стал членом Комитета общественного спасения. Примечательно также и то, что он воздержался от выступления во время дебатов, которые предшествовали голосованию по вопросу установления общего контроля за ценами (закон о всеобщем максимуме) 29 сентября 1793 года. Робеспьер не был демагогом. Он сознавал, что не может уступить народному движению, не нарушив социального равновесия, на котором покоилась деятельность правительства.

В течение года, с 1 июля 1793 года до термидора II года, Робеспьер и Комитет общественного спасения пытались дисциплинировать народное движение в политическом отношении и включить его в рамки, предусмотренные якобинской диктатурой и Революционным правительством, а в социальных вопросах пойти санкюлотам только на те уступки, которые необходимы, чтобы привязать их к новому порядку, не вызывая страха у имущих классов.

Летом 1793 года, в самый острый момент революционного кризиса, когда стало ясно, что Конвент не сможет одержать победу без народа, народное движение добилось успеха и навязало Конвенту и Комитету общественного спасения, который еще сам не твердо стал на ноги, целый ряд революционных мероприятий. 27 июля 1793 года, в тот день, когда Робеспьер вошел в Комитет общественного спасения, Конвент провел закон о введении смертной казни за спекуляцию. 23 августа Конвент, вопреки желанию и несмотря на оппозицию Комитета общественного спасения, издал декрет о всеобщей мобилизации, являвшийся основным пунктом программы санкюлотов по вопросу национальной обороны. 5 сентября народное выступление заставило Конвент организовать Революционную армию. 17 сентября он принял декрет о подозрительных. Наконец, 29 сентября он закончил тем, что принял закон о всеобщем максимуме цен на продукты питания и Другие основные товары и о контроле за торговлей ими. Таким образом, результатом народного выступления в сентябре 1793 года явилось установление террора, организация надзора и

проведение репрессий на основании закона о подозрительных, введение таксации цен, которой требовали санкюлоты, и организация Революционной армии для реквизиции продовольствия у крестьян. Но оно послужило также мощным импульсом для формирования Революционного правительства. Комитет общественного спасения обнаружил, что власть его укрепилась. 13 сентября ему было дано право представлять на утверждение Конвента списки членов Комитета общественной безопасности и всех других комитетов. Это была решительная мера, предоставлявшая Комитету общественного спасения превосходство и всю полноту власти.

С этого времени Революционное правительство стало быстро принимать определенную форму. Комитет общественного спасения осуществлял общую координацию чрезвычайных мер и действий органов власти и установил контроль за народными организациями. Основная проблема осени 1793 года состояла в эффективном осуществлении всеобщей мобилизации путем привлечения к этому делу местных властей и уничтожения последнего сопротивления. Национальная оборона, несомненно, была главной задачей, с которой была тесно связана оборона революции. 10 октября 1793 года Сен-Жюст выступил в защиту декрета о продлении полномочий Революционного правительства до конца войны. Таким образом, конституция, принятая в июне 1793 года, была окончательно сдана в архив, а выборный принцип подчинен авторитарному принципу. Декрет, учреждавший Революционное правительство, был принят 14 февраля II года (4 декабря 1793 года). Выборные местные власти, пережившие установление правительства, подпадали под надзор национального агента соответствующего дистрикта, что являлось поразительным предвосхищением наполеоновских префектов. Выборы были отменены. Декретом от 5 февраля (26 октября) были отменены выборы муниципалитетов. Представители, находившиеся в миссии по поручению Конвента, и национальные агенты должны были лишь консультироваться с народными обществами. Таким образом, суверенитет народа и право избирать органы власти были сконцентрированы не в клубах, как утверждает Матьез, а в руках правительственного аппарата¹⁵.

Все эти преобразования имели весьма серьезные последствия для санкюлотской демократии. Санкюлоты крепко держались за свое право выборности, которое символизировало суверенитет народа. Теперь они утратили его. Так, например, в Париже революционные комитеты секций избирались раньше общими собраниями. Осенью они были поставлены под контроль Генерального совета Коммуны; зимой—под контроль Комитета общественной безопасности. Весной же II года их члены просто назначались Комитетом общественного спасения. Генеральный совет Парижской коммуны разделил их участь. После жерминаля II года и казни Эбера и Шометта Комитет общественного спасения отстранил многих из его членов и назначил других, не консультируясь с секциями¹⁶. Новая робеспьеристская Коммуна под председательством Пейяна осуществляла строгий контроль над общими собраниями и запретила выборы без голосования, путем простого выражения одобрения, и открытую подачу голосов. Таким образом, характерные черты санкюлотской демократии были упразднены. Но власти на этом не остановились. В флореале и прериале под давлением правительства и Якобинского клуба народные общества секций, являвшиеся основой народного движения, были распущены. Обычно это мероприятие объясняли тем, что Якобинский клуб должен быть единственным центром общественного мнения¹⁷. Фактически же народные организации и демократия санкюлотов оказались несовместимыми с Революционным правительством и якобинской диктатурой.

Озабоченное в первую очередь централизацией, Революционное правительство явно преуспело в результате этих мероприятий. Однако, стараясь втиснуть народное движение в якобинские рамки, оно лишилось верной поддержки санкюлотов, благодаря которой пришло минувшим летом к власти. Таким образом, весной II года между народным движением и Революционным правительством произошел разрыв, вызванный расхождением по политическим вопросам.

Но еще более серьезной была обнаружившаяся в это же время несовместимость социальных устремлений санкюлотов и целей буржуазной революции. Начиная с сентября 1793 года Комитет общественного спасения всячески старался сдержать социальные выступления народа¹⁸. Но, когда в конце зимы продовольственные затруднения усилились, волнения возобновились. Они получили широкий размах и были поддержаны группой, которая не являлась партией в полном смысле слова, то есть группой людей, имеющих общие цели, если не считать, конечно, стремления к власти, которое было присуще всем членам этой группы. Это были Венсан, главный секретарь военного министра, Ронсен, генерал Революционной армии, Моморо, администратор парижского департамента. Эту группу обычно называют эбертистами потому, что Эбер выступал в своем органе «Отец Дюшен» в качестве оратора этой группы. Используя народные требования в своих политических целях, группа требовала конфискации собственности подозрительных в пользу

санкюлотов и строгого применения максимума, а также издания нового закона против спекулянтов. Пока эбертистская группа отстаивала эту программу, она могла рассчитывать на симпатии народа и, таким образом, угрожать Комитету общественного спасения новым восстанием.

Комитет пошел и а уступки, чтобы избежать конфликта. 6 вантоза (24 февраля 1794 года) был опубликован всеобщий максимум, подготовлявшийся начиная с брюмера, и новый закон против спекулянтов. Кроме того, 8 вантоза (26 февраля) Сен-Жюст предложил в своем знаменитом докладе декрет, решавший судьбу подозрительных лиц и их собственности. В тот же день Конвент постановил конфисковать эту собственность. 13 вантоза (3 марта 1794 года) он поручил Комитету общественного спасения произвести обследования положения «неимущих патриотов» и предложить «меры по облегчению положения всех неимущих за счет собственности врагов революции»¹⁹. Альбер Матъез приветствовал эти вантозские декреты как «программу новой революции». Они имели целью, пишет он, «поднять до социальной жизни всех вечно обездоленных»²⁰. На деле же, хотя мы нисколько не сомневаемся в искренности Робеспьера и Сен-Жюста²¹, эти декреты отмечены печатью нерешительности, лежащей в основе кроющихся за ними социальных идей, и противоречивости политической позиции, породившей эти декреты. Вантозские декреты являются скорее политическим шагом в продолжавшейся борьбе с аристократией, чем новым социальным движением. Их целью было скорее уничтожение корней и разветвлений старого порядка, чем превращение санкюлотов в собственников. «Республика, — заявил Сен-Жюст, — возникла в результате разрушения всего того, что сопротивлялось ей». Сен-Жюст не нападал на собственность как таковую; собственность патриотов должна оставаться священной и неприкосновенной. Имущество же врагов нового порядка должно быть конфисковано и использовано для вознаграждения его сторонников, неимущих патриотов. Цель этих мероприятий, по существу, была политической. Правительство намерено было заручиться поддержкой санкюлотов, чтобы закрепить победу внутри страны и на границах. Какие средства могли лучше всего обеспечить достижение этой цели, как не превращение санкюлотов в собственников за счет поверженной аристократии? Таким образом, вантозские декреты относятся к таким мероприятиям, как конфискация собственности за мятеж или измену. Если рассматривать их с этой стороны, то они не кажутся чем-то исключительным. Мы имеем многочисленные документальные данные, относящиеся к II году Республики (как якобинские буржуазные источники, так и санкюлотские источники), свидетельствующие о решении уничтожить аристократию и распределить ее собственность между победителями²². Однако вантозские декреты не произвели большого впечатления на санкюлотов. Социальные волнения продолжались и побуждали эбертистов предпринять попытку организовать новое народное восстание. Это было накануне новой военной кампании, и правительство не могло рисковать. Эбертисты были арестованы 24 вантоза II года (14 марта 1794 года), осуждены и казнены 4 жерминаля (24 марта). Кризис в вантозе в действительности является поворотным пунктом в отношениях между Революционным правительством и санкюлотами, между робеспьеристами и народным движением. Трагедия, закончившаяся термидором, началась в вантозе. До сих пор Комитет общественного спасения и Робеспьер в известной мере заботились о поддержании равновесия между разнородными социальными элементами, на которые опиралось Революционное правительство, — между средней буржуазией и народными массами, якобинцами и санкюлотами. В вантозе они вынуждены были сделать выбор, и они не могли поступить иначе, как принять сторону класса, интересы которого выражали и который к тому же играл решающую роль в революции.

С тех пор кризис все более обострялся. Народное движение отвернулось от Революционного правительства, в то время как робеспьеристы пытались сохранить столь необходимый для них союз.

Суд над эбертистами не коснулся непосредственно санкюлотов, и поэтому последовавшие за тем репрессии, принимая во внимание все обстоятельства, были умеренными. Однако суд привел санкюлотов в замешательство и до известной степени деморализовал их, ибо Эберу, как журналисту, удавалось ясно сформулировать их смутные стремления. Правительственные меры против секционных организаций весной II года окончательно оттолкнули санкюлотов от политической деятельности. Общие собрания не интересовались более общей политикой и ограничивались голосованием согласованных предложений. «Революция находится на точке замерзания», — сказал вскоре Сен-Жюст. Это глубокое охлаждение народных масс к Революционному правительству явилось основной причиной успеха 9 термидора и падения Робеспьера.

***

Попытаемся теперь в конце этого краткого анализа подытожить сильные и слабые стороны народного движения и Робеспьера. Необходимо вновь подчеркнуть противоречия, присущие Робеспьеру и народному движению.

Народное движение сделало возможным создание Революционного правительства. Следовательно, оно обеспечило поражение внутренней и внешней контрреволюции, сделало возможным торжество буржуазной революции. Однако оно не могло добиться осуществления своих собственных целей, его конечное поражение было обусловлено его внутренними противоречиями. В политическом отношении санкюлоты были передовой партией революции. Что касается их экономической позиции, то они оставались связанными с мелким самостоятельным производством, с миром ремесленников и мелких лавочников. Они были осуждены на исчезновение вместе со всей системой мелкого производства, по мере распада собственности, основанной на личном труде собственников, и как непосредственные производители должны были быть экспропрированы в пользу капиталистической частной собственности, основанной на наемном труде. В силу этих противоречий все усилия санкюлотов во II году Республики, направленные на установление эгалитарной республики, являвшейся для них спасением, были обречены на провал. Несостоятельность в понимании значения этих стремлений привела Даниэля Герэна к грубому смещению исторической перспективы, ибо он рассматривал движение санкюлотов как передовой авангард, а попытки II года как зародыш пролетарской революции. «В 1793 году, — пишет он, — развитие буржуазной революции сочеталось с появлением зародыша пролетарской революции»²³. Это значит принимать санкюлотов за пролетариев, в то время как это были мелкие самостоятельные производители. Было бы, конечно, ошибочным считать их реакционерами в социально-экономическом отношении. Пока они боролись против феодальной аристократии, они шли в ногу с историей. Хотя во время революции они и выступали против торгового капитала, они не питали вражды к промышленному капиталу²⁴. Однако как только феодальные производственные отношения были полностью уничтожены и было обеспечено торжество промышленного капитализма, потомки санкюлотов, ремесленники, мелкие лавочники и мелкие крестьяне восстали против него, заняв в экономическом отношении реакционную позицию, ибо они хотели повернуть колесо истории вспять²⁵.

Робеспьеру были присущи такие же противоречия. Будучи в основном учеником) Руссо, он все же остался далек от идей философов-материалистов XVIII века. Хотя, как и подобает последователю автора «Общественного договора», он был сторонником политической и социальной демократии, следует, однако, признать, что он не вполне понимал экономические проблемы своего времени. Стремясь к осуществлению идеала эгалитарной республики мелких самостоятельных производителей, он защищал тем самым отсталую экономическую систему, метавшую экономическому развитию, ведущему к торжеству капиталистической концентрации. Здесь мы имеем пример глубокого противоречия, которое может существовать между стремлениями какой-либо социальной группы или индивидуальными стремлениями и объективными требованиями исторической действительности. Ни Робеспьер, ни Сен-Жюст не имели ни малейшего представления о том, что их действия могут зависеть от чего-либо другого, кроме их воли и энергии. Они верили в благотворные влияния законов и учреждений, но самые строгие законы не в состоянии изменить хода истории. Пример Робеспьера свидетельствует о невозможности для человека, даже великого, опередить свою эпоху.

Но как бы велико ни было в конечном счете поражение Робеспьера, во многих отношениях он остается воплощением народной революции. Буржуазия хорошо знала это, поэтому она и обратила на него всю свою ненависть, сделав его козлом! отпущения революции, приписывая ему все ошибки и всячески искажая его образ; историк, который хочет нарисовать истинный портрет Робеспьера, должен разоблачить все эти извращения действительности. Робеспьер навсегда останется «неподкупным». Он оставил великий след в истории. До сих пор одно его имя может сделать людей неуклонно преданными, до самопожертвования, идеалу братского равенства, который был для него самой сущностью Республики II года. Мишле был часто несправедлив к Робеспьеру, но он не ошибся, закончив «Историю Французской революции» следующими словами:

«Спустя несколько дней после термидора человек, который жив еще и ныне и которому было тогда всего лишь 10 лет, был взят родителями в театр. После окончания спектакля он любовался длинным рядом блестящих экипажей, которые видел впервые Люди в ливреях, со шляпой в руках обращались к вышедшим из театра зрителям с вопросом: «Не нужен ли Вам экипаж, *господин*». Мальчик не понял этих новых слов и попросил объяснить их ему, и в ответ услышал, что после смерти Робеспьера произошли большие изменения».

¹ Здесь не место для подробной библиографии о Робеспьере. Однако мы напомним, что работа Эрнеста Амеля (*Ernest Hamel, Histoire de Robespierre, 3 vol., Paris, 1865, 1866, 1867*) остается основной работой по этому вопросу.

Произведения Робеспьера публикуются в настоящее время Обществом по изучению робеспьеризма («Societe des Etudes robespierristes»). Вышли из печати:

1 Robespierre a Arras: *Les oeuvres litteraires en prose et en vers*, recueillies et publiees par Eugene Desprez et Emile Lesueur; un vol., Paris, 1912.

2. Robespierre a Arras: *Les oeuvres judiciaires*, recueillies et publiees par Emile Lesueur; un vol., Paris, 1914.

3. *Correspondance de Maximilien et Augustin Robespierre*, recueillie et publiee par Georges Michon; 2 vols., Paris, 1926, 1941.

4. *Discours*, recueillis et publies sous la direction de Marc Bouloiseau, Georges Lefebvre et Albert Soboul; 2 тома (1789 — сентябре 1791) вышли из печати в 1950 и 1952 годах.

² Sur le droit de vote des comedians et des Juifs 23 decembre 1789. Sur le droit de citoyennete des Juifs portugais espagnols et avignonais, 28 janvier 1790 (*Discours*, I, 167 et 213)

³ Sur le droit de vote, 22 octobre 1789 [см «Речь Робеспьера Всеобщая подача голосов». СПб., 1905]. Sur les conditions d'eligibilite, 29 octobre 1789. Sur les conditions de cens exigees des citoyens actifs, 25 janvier 1790, Sur la necessite de revoquer les decrets qui attachent l'exercice des droits du citoyen a la contribution du marc d'argent ou d'un nombre determine de journées d'ouvrier, avril 1791. Sur le marc d'argent 28 mai 1791. Sur le marc d'argent et le cens electoral, 11 et 12 aout 1791 (*Discours*, I, 130, 133, 200; II, 158, 427, 617 et 631).

⁴ Sur l'affaire de Nancy, 31 aout et 3 septembre 1790 (*Discours*, I, 527, 529 et 535).

⁵ *Albert Mathiez*, La Revolution francaise, t. III, p. 4 [См. А. Матьез, Французская революция, т. III, с. 13].

⁶ См. С. Е. Labrousse. La crise de l'economie francaise a la fin de l'Ancien Regime et au debut de la Revolution, 1 volum, Paris, 1944. Этот том посвящен кризису в виноделии. Однако автор ставит общую проблему «Революция бедности или революция благосостояния?»

⁷ См. *Ernest Mellie*. Les sections de Paris pendant la Revolution francaise (21 mai 1790 — 19 vendcmiaire an IV), Organisation, Fonctionnement. 1 volum, Paris, 1898 См. также *Albert Soboul*, Les papiers des sections de Paris (1790 — an IV), Repertoire sommaire, 1 volum, Paris, .1950.

⁸ *Albert Mathiez*, La Revolution francaise, t. III, p. 41.

⁹ Petitions de la section des Tuilenes, 4 fevrier 1793 (B N, ms, F fr, Nouv acq, 2647, f 7), de la Societe des Hommes libres de la section du Pont-Neuf, 1-er mois an II (B N, ms, F fr, Nouv acq, 2713, f 46), de la Societe populaire et de l'assemblee generale de la section de l'Unite, 4 pluviouse an II (AN, D III 255, d 2), de la section du Bonnet-Rouge (AN, D III 253³, d 1).

¹⁰ См. К. Маркс, Капитал, т. I.

¹¹ «Section des Sansculottes. Adresse a la Convention Nationale, 2 scptembre 1793», 6 p. in-8°, Bibhotheque Nationale, Lb^v 2140; цитируется у *George Lefebvre*, Questions agraires au temps dle la Terreur, Strasbourg, 1932, p. 78 [см. Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, Л., 1936, с. 87]. Чтобы точно определить социальный облик санкюлотов, нужно было бы предпринять ряд конкретных социальных исследований. В качестве примера подобного исследования следует указать работы Жоржа Рюде и Ричарда Кобба. Первый рассматривает социальный состав участников народных восстаний в Париже с 1789 по 1793 год, второй — политический и социальный состав парижской Революционной армии. См. *George Rude*, La composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 a 1791 («Annales historiques de la Revolution Francaise», 1952, p. 256) и «Les emeutes du 25, 26 Fevrier 1793 a Paris» («Annales historiques de la Revolution Francaise», 1953, p. 33); *Richard Cobb*, L'Armee revolutionnaire parisienne (Composition Sociale et politique) («Bulletin de la Societe d'Histoire moderne», juin-juillet, 1952, p. 4) и «L'Armee revolutionnaire parisienne a Lyon et dans la Region Lyonnaise», Lyon, 1952.

¹² *Discours*, t. II, p. 181

¹³ «Momteur» (перепечатка), XVI, 213 [см. «Революционное правительство в эпоху Конвента», под ред. Н. Лукина, М., 1927, с. 443].

¹⁴ «Moniteur», XIV, 636 [«Революционное правительство в эпоху Конвента», М, 1927, стр. 146—153 (выдержки)].

¹⁵ «Momteur», XVIII, 618, *Albert Mathiez*, La Revolution francaise, t. III, p. 77 (см. А. Матьез, Французская революция, т. III, с. 80).

¹⁶ См. *Michel Eude*, Eludes sur la Commune robespieriste, 1 volum, Paris, 1937.

¹⁷ С конца жерминаля до начала прериала II года было распущено 39 народных обществ. Об их петициях этого времени см. Archives nationales, serie C.

¹⁸ Мы должны напомнить здесь о движении дехристианизации в брюмере II года. Хотя санкюлоты приняли в нем живое участие, однако я не думаю, что это было специфически санкюлотское движение. Среди его инициаторов можно обнаружить такие темные личности, как Проли, Перейра, Дефье, «иностранных агентов». В своей речи от 27 брюмера II года Робеспьер ясно намекнул на то, что разрушителями алтарей являются, вполне возможно, контрреволюционеры в обличье демагогов («*Monteur*», XVIII, 459).

¹⁹ «*Moniteur*», XIX, 565, 611 (см. «Революционное правительство в эпоху Конвента», М, 1927, с. 259).

²⁰ *Albert Mathiez*, op. cit., t. III, p. 147, 149 (см. *Альбер Матъез*, цит. соч, т. III, стр. 142, 144)

²¹ См *Georges Lefebvre*, *Questions agraires au temps de la Terreur*. Автор убежден в том, что это был политический маневр, но если даже большинство членов Конвента и Комитета общественного спасения были неискренними в этом вопросе, то этого нельзя сказать о робеспьеристах (стр. 5).

²² См тексты, цитированные Альбером Собулем «*A propos d'un article sur la Revolution francaise*», «*Annales*», n° 4, 1952, p. 517.

Так, например, Анрио, командир Парижской национальной гвардии, заявил якобинцам 7 брюмера II года «То, что аристократы теряют, должно быть передано патриотам: дома, земли — все должно быть поделено между теми, кто победил преступников» («*Journal de la Montagne*», 9 brumaire, an II).

²³ *Daniel Guerin*, *La lutte de classes sous la premiere Republique. Bourgeois et Bras-nus (1793—1797)*, 2 vol. Paris, 1946, v. I, p. 5, 37.

²⁴ Примечательно, что в своем проекте Декларации прав человека Моморо гарантирует неприкосновенность только промышленной собственности (ст. XXVII). Та же собственность, которую «ошибочно называют земельной собственностью», может быть неприкосновенна «до того момента, пока нацией не будут изданы соответствующие законы по этому вопросу» (*Bibliothèque nationale*, Lb¹¹ 2978).

²⁵ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, с. 434.